

природы, неустроенность быта, семейных отношений, конфликт с помещиком, но тон — другой. Он обусловлен настроением деловой озабоченности, ожиданием скорых перемен, чувством собственного достоинства. Последние строки стихотворения:

Сходится в хате мой
Больше да больше народу:
— Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу? [9, т. 2, с. 98] —

свидетельствуют о растущем политическом самосознании крестьянской массы.

Анализ общественных настроений убеждал Н. А. Некрасова в том, что русский народный характер с его сильными и слабыми сторонами — явление историческое. На смену рабской покорности неизбежно придет вера в себя, в свои силы. Залогом этого является веками воспитанная в народе готовность к трудовому подвигу, прославленная поэтом в стихотворении «Железная дорога» (1864 г.):

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать [9, т. 2, с. 170].

1. Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. 2. Гин М. М. От факта к образу и сюжету. М., 1971. 3. Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. 4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. М.; Л., 1980. 5. Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. 6. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. 7. Корман Б. О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. 8. Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. 9. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1981. 10. Сборник критических статей о Н. А. Некрасове. 1840—1864. Собрал В. Зелинский. 2-е изд. М., 1898. 11. Чалый Д. В. Некрасов и украинская дооктябрьская поэзия. К. 1971. 12. Чуковский К. Мастерство Некрасова // Собр. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 4.

Статья поступила в редколлегию 02. 03. 84

С. П. Фатеев, преп.,
Киевский педагогический институт

Природа и человек в прозе С. Аксакова и И. Тургенева

В последние годы, затрагивая вопрос о природе и человеке в русской классической литературе XIX в., специалисты вполне обоснованно ставят рядом имена С. Аксакова и И. Тургенева*. Однако до сих пор нет специальных работ**, в которых иссле-

* Зальгин С. Литература и природа // Правда. 1980. 10 марта. С. 3; Трефилова Г. Время выбора (Художественное осмысление взаимоотношений человека и природы в советской литературе) // Вопр. лит. 1981. № 12. С. 36; Гринфельд Т. Я. И. С. Соколов-Микитов и М. М. Пришвин // Творчество И. С. Соколова-Микитова. Л., 1983. С. 106—108.

** Войтоловская Э. Л. И. С. Тургенев о С. Т. Аксакове // Уч. Зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1958.

довалась бы эта тема всесторонне, тем более, что в творчестве именно этих писателей следует искать истоки столь актуальной проблемы современности — проблемы «человек и природа».

С. Аксаков познакомился с И. Тургеневым в 1849 г., о чем писал в письме к сыну Ивану: «На днях я познакомился с Тургеневым, и он мне очень понравился; может быть его убеждения ложны или, по крайней мере, противны моим, но натура его добрая, простая» [8, с. 263]. С самого начала отношений С. Аксаков не исключал возможности несовпадения взглядов и убеждений, допуская, что они могут быть «ложными», но при всем этом И. Тургенев ему понравился. Эта симпатия предопределялась тем, что молодой писатель уже в первых своих произведениях определился как представитель гоголевского направления в русской литературе. Близкими ему были и взгляды И. Тургенева на русскую литературу, на творчество А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя. В парижском журнале «Illustration» (1845 г.) анонимно вышла статья И. Тургенева «О русской литературе: Пушкин, Лермонтов, Гоголь». Материалы переписки семьи Аксаковых дают возможность предположить, что С. Аксаков был знаком с содержанием этой статьи. М. Карташевская в письме к его дочери — Вере Сергеевне сообщала об этой статье, высказывая предположение, что написал ее русский человек, — так как «тут такое глубокое знание наших поэтов, какое мудрено предположить в иностранце, и такая тонкая им оценка, какой мало мы имеем и у нас» [4, с. 672].

Вера Сергеевна, в свою очередь, рекомендовала брату Ивану прочитать эту статью, так как там «очень верные и совсем не французские суждения» [4, с. 673]. Таким образом, С. Аксаков мог ознакомиться со взглядами И. Тургенева на русскую литературу, положительно оценить их, не зная, кому те принадлежат. Мог и Н. Гоголь в свой приезд в Россию весной 1848 г. высказать С. Аксакову свое мнение о И. Тургеневе. Например, П. Анненкову Н. Гоголь писал о нем в 1847 г.: «талант в нем замечательный и обещает большую деятельность в будущем» [3, с. 385]. С. Аксаков был и сам знаком с рассказами И. Тургенева, печатавшимися в «Современнике» с 1847 г. Материалы его письма к сыну Ивану (от 2 января 1851 г.) позволяют считать, что они понравились С. Аксакову: «Когда появились «Записки охотника» И. Тургенева, я подумал, как бы мне приятно было прочесть ему мои записки!» [9, с. 119]. До этого свои «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Аксаков много раз читал Н. Гоголю, и тот высоко отзывался об их художественных достоинствах, поэтому вполне естественным было желание прочесть их художнику — продолжателю гоголевского направления в русской литературе.

Кроме всего этого, С. Аксакову, работавшему над созданием собственных очерков об охоте, было интересно следить за выходом цикла рассказов, озаглавленных «Записки охотника». С. Аксаков, как и большинство читателей, мог не знать, что название этого цикла во многом условное [2, с. 210—218] и что придумал

его не автор, а И. Панаев, с целью расположить и привлечь читателей своего журнала, а также смягчить социальный аспект рассказов, создававшихся в период «мрачного семилетия». Ведь, по сути, «Записки охотника» И. Тургенева продолжали показ «мертвых душ» помещиков, начатый Н. Гоголем, однако И. Тургенев в противовес им еще и раскрывал «живые души» крестьян.

Читая рассказы И. Тургенева, С. Аксаков не мог не заметить, что они, хотя и названы «Записками охотника», однако мало чем напоминают его собственные «записки» об охоте, над которыми он в это время работал. С. Аксаков писал действительно воспоминания охотника, страстного любителя всех охот — «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», а до этого он с успехом издал «Записки об ужении рыбы» (1847 г.), в которых подчеркивал: «Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетями и удочкой за рыбою — все имеют одно основание. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природой, должна сближать между собою» [1, т. 5, с. 294]. В «Записках ружейного охотника...» С. Аксаков продолжал развивать суждение о том, что охота сближает человека с природой. Разбив дичь на четыре разряда: «болотная», «водоплавающая», «степная» и «лесная», он давал подробнейшее описание каждому виду. Перед читателем аксаковских записок раскрывалась неизвестная жизнь бекасов и куликов, лебедей и дроф, стрепетов и перепелов, коростелей и рябчиков, куропаток и гаршнепов, тетеревов и вальдшнепов. Птицы являлись человеку не абстрактно и схематично, а со своими характерами, «портретами», привычками и законами. Не случайно Н. Гоголь так любил слушать аксаковские очерки и желал в период работы над «Мертвыми душами», чтобы его «души» были такие «живые» как аксаковские птицы [3, с. 250]. С. Аксаков в «Записках...» обобщал свой огромный опыт общения с природой и делал это очень талантливо.

По С. Аксакову, охотник не должен искать легких путей во время охоты; он обязан показать стремительность и ловкость, наблюдательность и находчивость, знание и умение, чтобы оказаться победителем. Настоящего охотника не огорчает, а восхищает находчивость и сметливость зверя, птицы, ушедших от погони. Интерес и любование предметом нередко заставляют С. Аксакова забыть о ружье и наблюдать за жизнью того или иного животного. «Я так всегда любил этих крошечных куличков, что мне даже жалко бывало их стрелять. Если мне случалось как-нибудь нечаянно подойти к их станичке близко, так, что они меня не видели и продолжали беззаботно бегать, доставать из грязи корм, а иногда отдыхать, стоя на одном месте, то я подолгу любовался ими, даже не один раз уходил прочь, не выстрелив из ружья... Для горячего охотника это не безделица!» [1, т. 5, с. 84].

Образ охотника в аксаковских «Записках...» ретроспективен: автор-охотник воспроизводит картины далекого прошлого, вспоминает охоту в юности, дает ей оценку. Так, например, ему иногда

даже неловко и стыдно вспоминать, как азарт охотника, заглушая все другие чувства, приводил к истреблению дичи: «Грустно мне вспомнить, какое истребление производил я, как и все охотники, в оренбургских обширных болотах, битком набитых всякою дичью и преимущественно болотными куликами...» [1, т. 5, с. 62]. Этим С. Аксаков как бы предостерегал молодых охотников от возможных ошибок в отношении к природе. В зрелом возрасте Аксаков-охотник нередко задумывается о судьбе природы, тревожится ее будущим. Он вспоминает, каким был «пролет и прилет дичи в Оренбургской губернии», оговариваясь: «верный только исторически, а теперь уже баснословный. И продолжает: «Птицы бывало такое множество, что все болота, разливы рек, берега прудов, долины и вражки с весенними ручьями, вспаханные поля бывали покрыты ею... Но немногие уже из охотников помнят такие прилеты птицы в Оренбургской губернии. Все переменялось! И в десятую долю нет прежнего бесчисленного множества дичи в плодосном Оренбургском крае» [1, т. 5, с. 30—31].

У И. Тургенева мотив охоты, описание ее в «Записках охотника» в большинстве случаев является повторяющимся «зачином» или своего рода окантовкой произведения, а в некоторых случаях автор обходится почти без охотничьего «орнамента». Не случайно тот же И. Панаев на страницах «Современника» в сатирическом «Литературном маскараде накануне нового (1852) года» отозвался на «Записки охотника» так: «...Мой охотник никогда не стреляет: его английская желто-пегая собака Дианка печально следует за ним без всякого дела, виляя хвостом и уныло моргая усталыми глазами, а хозяин ее постоянно возвращается домой с пустым ягдташем» [2, с. 211].

Посмеиваясь над образом охотника в «Записках...» И. Тургенева, И. Панаев подчеркивает его наблюдательность и поэтичность взгляда: «Ничто в природе не ускользает от его верного, поэтического и пытливого взгляда, и птицы спокойно, ласково и безбоязненно летают вокруг этого странного охотника, как будто напрашиваясь попасть в его «Записки» [2, с. 211]. Подобные мысли высказывали литературные критики и после выхода в свет аксаковских «Записок...», но в отношении С. Аксакова это говорилось серьезно.

И С. Аксаков и И. Тургенев были отличными охотниками, любили охоту, знали ее тонкости и особенности.

Оба писателя находили поэтические краски, звуки, запахи, передающие «прелюдию» тяги; глубоко знали предмет, однако С. Аксаков все же более дидактичен и конкретен. Это проявляется в том, что у него действие происходит именно в «чернолесье», именно липа и дуб «распускаются поздно», что сумерки в лесу ложатся ранее и быстрее». Некоторая конкретизация названий птиц наблюдается и у И. Тургенева, но это носит эпизодический характер, подтверждая тем самым суждение об «орнаментности» охотничьей атрибутики в произведении.

Несмотря на индивидуальные особенности стиля и языка писателей, «тяга», описанная И. Тургеневым, на наш взгляд,

мало чем отличается от «тяги» в «Записках...» С. Аксакова. Возможно, если бы И. Тургенев писал именно воспоминания об охоте, то книги были бы во многом схожи. Но перед писателем стояла иная цель, поэтому природа в тургеневском произведении является лишь фоном, подчеркивающим дисгармонию общественных отношений в крепостнической России. Перед С. Аксаковым и И. Тургеневым стояли разные задачи, требовавшие решения.

Однако, несмотря на различие целей и задач, в контексте тех и других «Записок...» было нечто общее, объединяющее писателей. Насколько С. Аксакову понравились очерки И. Тургенева, настолько И. Тургенева заворожили аксаковские описания природы. И. Тургеневу понравились «записки» Аксакова об охоте: в них природа воссоздавалась бесхитростно, просто, объективно, являясь не фоном произведения и не отражением субъективного «я» автора, а главным предметом. Вот что писал И. Тургенев на страницах «Современника» о «Записках ружейного охотника...» Аксакова: «...что за прелесть эта книга! Сколько в ней свежести, грации, наблюдательности, понимания и любви природы!» [7, т. 5, с. 412]. По мнению И. Тургенева, природа у С. Аксакова показана в лучших традициях древнегреческого эпоса. «Древние греки также просто взирали на природу...» [7, т. 5, с. 419], писал он в своем разборе. Для И. Тургенева аксаковская концепция природы чрезвычайно близка, так как тот «...смотрит на природу (одушевленную и неодушевленную) не с какой-нибудь исключительной точки зрения, а так как на нее смотреть должно...» (Подчеркнуто нами. — С. Ф.) [7, т. 5, с. 416]. Иного взгляда на природу, по убеждению И. Тургенева, и не «должно» быть: «Человека не может не занимать природа, он связан с ней тысячью неразрывных нитей: он сын ее...» [7, т. 5, с. 414].

Все это свидетельствует о том, что аксаковская позиция по отношению к природе, его концепция природы и человека была близкой И. Тургеневу. В свою очередь, тургеневский взгляд в «Записках охотника» на мужика как на «живую душу», человека талантливого, морально и физически здорового, вполне разделялся С. Аксаковым. Найденные нами материалы эпистолярного наследия С. Аксакова позволяют судить об изменении его взглядов на общественное устройство России, где, по его мнению, все, кроме «мужика», подвергнуто гнили*.

С. Аксакову импонировали суждения И. Тургенева о русском крестьянстве, которое тот воспринимал «как силу, многое решающую в жизни нации, силу влекущую и прекрасную, но цельную и не поддающуюся анализу» [5, с. 126]. Сам С. Аксаков всегда с глубоким уважением относился к крестьянину, работающему на земле, ценя в нем его силу, мудрость, нравственную чистоту и богатство души. Ростки этого уважения нашли художественное воплощение еще в очерке «Буря» (1834 г.). Впоследствии в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» это получает еще более широкое развитие.

* Фатеев С. П. Об эволюции мировоззрения С. Т. Аксакова // Рус. лит. 1985. № 1. С. 187—189.

Таким образом, С. Аксакова и И. Тургенева сближали не только общие воззрения на природу, но и на человека.

1. *Аксаков С. Т.* Собрание сочинений. В 5 т. М., 1966. 2. *Алексеев М. П.* Заглавие «Записки охотника» // Тургеневский сб. В 5 т. Л., 1969. Т. 5. 3. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: В 18 т. Л., 1952. 4. Литературное наследство. 1952. Т. 58. 5. *Лотман Л. М.* И. С. Тургенев // Ист. рус. лит. В 4 т. Л., 1982. Т. 3. 6. *Машинский С. С.* Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1973. 7. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. М., 1963. 8. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1979. 9. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 3. Оп. 3. № 13.

Статья поступила в редколлегию 20. 02. 85

Т. А. Шеховцова, асп.,
Харьковский университет

О специфике воплощения романного начала в повести А. Чехова «Дуэль»

Исследователи чеховских повестей неоднократно обращали внимание на близкую связь повествовательных и драматических произведений зрелого А. Чехова [2; 13; 17; 21]. Ученые обнаруживали в повестях 80—90-х годов черты, роднящие их с чеховскими пьесами (при этом особо подчеркивался новаторский характер последних по сравнению с классической драмой). Вместе с тем критики отмечали в этих же повестях приметы романного жанра в его классическом понимании (имея в виду традиции русского романа XIX в.).

Однако приходится констатировать, что изложенные направления в интерпретации чеховских повестей обычно лишь сосуществуют, практически не соприкасаясь. Таким образом, специфика данных произведений в плане жанрового и родового синтеза остается недостаточно изученной. В связи с этим обратимся к повести «Дуэль» (1891 г.), которая неоднократно рассматривалась исследователями в свете традиций классического романа и в гораздо меньшей степени — как оригинальное, в некотором роде «синтетическое» явление, важный этап не только в идейном развитии писателя, но и в эволюции его поэтики, в частности поэтики жанра.

Ориентированность «Дуэли» на русский классический роман очевидна, притяжение и отталкивание ее от романной поэтики не вызывает сомнений [1; 3; 10; 15; 18], и тем труднее однозначно и исчерпывающе определить всю сложность подобных ассоциативных связей и структурно-содержательных переплетений. Давно отмечено, что тип героя — позднего эпигона «лишних людей», основная проблематика, сюжетная ситуация — бегство, тем более на Кавказ, любовная коллизия и особенности «идеологического» конфликта введут повесть А. Чехова в контекст отечественной ро-